Котъ бѣжитъ,
Воробей летитъ;
Котъ сарапатъ,
Воробей клюетъ—
Отнели пѣтуха!

Посадили пѣтуха въ избушку и опеть наказали: „Ну, теперь смотри, пѣтухъ, не выглядывай въ окошко! Мы ишшо дальше пойдемъ—не учуемъ твоево голоса!“—И пошли котъ да воробей дрова рубить, а пѣтухъ сѣлъ на грядку да и кукурекатъ.

3. Пришла лисичка въ красныхъ башмачкахъ, скачетъ подъ окошкомъ на липовой дошшечкѣ, а сама опеть гаркать: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, выглень въ окошко—на тибѣ красную ложку!“—Пѣтушокъ опеть выгленулъ, а лисичка схватила ево и понесла въ лѣсъ.

Вотъ и кричитъ опеть пѣтушокъ:

„Куты, куты, куты!
Несетъ миня лиса
За темные лѣса,—
Котъ да воробей,
Бѣжите отнимать!“

Кричалъ, кричалъ и не докричался — съѣла лисичка пѣтушка.

---

84. Котъ, пѣтухъ и лисица.

(Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ. Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 42, стр. 214—215).

1. Жили-были котъ да пѣтухъ. Котъ пошолъ въ лѣсъ дрова рубить, а пѣтуха оставилъ дома: „Ты,—говоритъ:—пѣтухъ, оставайся домовничеть, да не подавай голос'отъ, колда прійдетъ лисица!“—Кот'отъ колда ушолъ, лисица-та и пришла и стала говорить:

„Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масленна головка,
Сметанныя ножки,
Выгleни въ окошко—
На золотѣ губненномъ
Ечки катаютъ“.

Пѣтушокъ и выставилъ головку-ту. Лиса ево схватила да и понесла въ лѣсъ.

Вотъ пѣтушокъ и зарычалъ:

„Коты, коты, коты!
Понесла миня лиса
За темные лѣса,
За быстрыя рѣки!“

А котъ ничево не слышитъ.

2. Вотъ, котъ пришолъ домой; хватился пѣтушка — нѣту.—Котъ настроилъ гусельцы, пошолъ къ лисицѣ подъ окошко и сталъ натреньгивать:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотыя струночки!
Ишо дома ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери—
Ишо одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-то—Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ“.

Лисица и говоритъ: „Поди-ко, Чучелка, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ?“—Она вышла за ворота-та,—котъ іе ну бить. Билъ, билъ, подъ гору спехалъ да и зайгралъ опеть:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотыя струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Ишо одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-та—Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ“.

„Поди-ко ты, Парачелка, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ?“—Вотъ Парачелка вышла,—котъ іе билъ, билъ, подъ гору спехалъ, а самъ опеть заигралъ:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Што одна-то дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,

Третья-та—Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ".

„Поди-ко ты, Подай-челнокъ, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ: тѣ ушли да и заслушались".—Подай-челнокъ вышла за ворота-та,—котъ іе ну бить: билъ, билъ, подъ гору спехалъ, а самъ опеть заигралъ:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Што одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-та—Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ".

„Поди-ко ты, Разбей-горшокъ, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ: тѣ ушли да и заслушались!"—Разбей-горшокъ вышла за ворота-та, а котъ іе давай бить; билъ, билъ, подъ гору спехалъ, а самъ опеть заигралъ:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-та Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ".

Вотъ лисица и говоритъ: „Да'-ко я сама послушаю: хто это такъ хорошо напѣватъ?"—Вышла за ворота-та, а котъ и давай іе бить; билъ, билъ, спехалъ подъ гору; самъ зашолъ въ избу. Пѣтушокъ, какъ увидѣлъ кота, такъ и закричалъ: „Ку-ко-ре-ку!"